

любимую роль, и я вдругъ становился холоденъ и спѣшилъ скорѣе докончить пламенно начатый монологъ. Можетъ быть, я и ошибался... но я никогда не чувствовалъ себя удовлетвореннымъ, никогда душа моя не наполнялась восторгомъ генія, никогда не могъ я сказать себѣ искренно и чистосердечно: „да, это такъ! это хорошо“!..

Діодоръ вдругъ замолкъ и всталъ во весь ростъ. Одной рукою отбросилъ онъ назадъ спутанныя пряди волосъ, другою оперся на столъ и нѣсколько мгновений стоялъ въ раздумьѣ... Но вотъ лицо его смертельно поблѣднѣло, глаза расширились и заблистали, устремленные куда-то вдаль, все лицо преобразилось, и онъ началъ знаменитый монологъ Гамлета: „быть или не быть“... Дойдя до словъ:

Кто снесъ бы бить и посмѣянье вѣка,
Безсиле правъ, тирановъ притѣсненье,
Обиды гордаго, забытую любовь,
Презрѣнныхъ душъ презрѣніе къ заслугамъ,
Когда бы могъ насъ подарить покоймъ
Одинъ ударъ...

Діодоръ зашатался и, опустившись на стулъ, долго сидѣлъ въ молчаніи, закрывъ лицо руками.

Быть можетъ, еслибы онъ произнесъ этотъ монологъ въ театрѣ, предъ многочисленной публикой, театръ задрожалъ бы отъ рукоплесканій. Но крошечная комнатка, скудно освѣщенная парой свѣтъ, была по прежнему тиха и молчалива. Только за печкой мирно чирикалъ сверчокъ, да за окномъ свистѣла и свирѣпствовала буря, словно цѣлая стая демоновъ носилась въ пространствахъ между небомъ и землею.

Однако у Діодора былъ одинъ сочувствующій зритель,—это Леночка. Прижавшись къ уголку дивана, не освѣщенному свѣчею, она жадно ловила каждое слово, каждое движеніе дяди, не сводя съ него своихъ широко открытыхъ глазъ. Когда онъ читалъ монологъ Гамлета, она вся превратилась въ слухъ, боясь проронить хотя бы одно слово. И или дядя сумѣлъ такъ ярко передать страшную муку человѣческаго духа, заключеннаго въ слабое, безсильное тѣло, или сама Леночка чуткимъ сердцемъ своимъ догадалась объ этихъ мукахъ, но монологъ безсмертнаго датскаго принца глубоко потрясъ дѣвочку. Душа ея не могла вмѣстить внезапно нахлынувшихъ слезъ; бурнымъ потокомъ вырвались онѣ наружу и затопили лицо.

Діодоръ не слышалъ ея рыданій. Онъ поднимая опущенную голову, всталъ и въ задумчивости прошелся по комнатѣ.